

РЕГИОНЫ «РЕСУРСНОГО ТИПА» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ*

ЛЕВИН СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,

*доктор экономических наук,
профессор кафедры экономической теории
и государственного управления,
Кемеровский государственный университет, г. Кемерово,
e-mail: levin.sergey.n@gmail.com*

КАГАН ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА,

*кандидат технических наук,
доцент кафедры прикладной математики,
Кемеровский государственный университет, г. Кемерово,
e-mail: kaganes@mail.ru*

САБЛИН КИРИЛЛ СЕРГЕЕВИЧ,

*кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры экономической теории
и государственного управления,
Кемеровский государственный университет, г. Кемерово,
e-mail: sablin_ks@mail.ru*

В ходе «постсоветской» трансформации российской экономики, несмотря на заявленную официально ориентацию на формирование универсальных правил игры либерального типа, развитие пошло по пути формирования «гибридной» институциональной среды. Она характеризуется, во-первых, преобладанием нехарактерными для либеральной рыночной экономики формами взаимодействия власти и бизнеса, их «срачиванием» между собой, во-вторых, устойчивой региональной фрагментацией. В результате возникли региональные институциональные системы, базирующиеся на различных конфигурациях сетевых взаимосвязей власти и бизнеса, встроенных в единую «властную вертикаль». Особое место в российской экономике занимают регионы «ресурсного типа». Это регионы, основу экономики которых составляют экспортно-ориентированные отрасли и добывающие отрасли первого передела. Мы выделяем следующие дискретные структурные альтернативы их развития в условиях глобализирующейся экономики: «анклавная двойственная экономика» и целостная региональная экономика. Первый вариант институционально закрепляет социально-экономическое отставание от развитых стран, а второй - обеспечивает диверсификацию и развитие региональной и, как результат, национальной экономики. Анализ вариантов развития регионов «ресурсного типа» осуществляется нами на примере сравнительной характеристики Кемеровской области и Красноярского края. Для выделения типов развития региональной экономики нами были отобраны показатели и разработан алгоритм их оценки.

Ключевые слова: регион «ресурсного типа»; региональная институциональная система; дискретные структурные альтернативы; «анклавная двойственная экономика»; целостная региональная экономика.

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ №15-06-04998 «Взаимосвязь между типами предпринимательства и вариантами экономического развития региона "ресурсного типа": качественная характеристика и количественная оценка».

«RESOURCE TYPE» REGIONS IN THE MODERN RUSSIAN ECONOMY

LEVIN SERGEY, N.,

*Doctor of Economic Sciences (Grand PhD),
Professor of the Department of «Economic Theory
and State Management»,
Kemerovo State University, Kemerovo,
e-mail: levin.sergey.n@gmail.com*

KAGAN ELENA, S.,

*Candidate of Technical Sciences (PhD),
Associate Professor of the Department of «Applied Mathematics»,
Kemerovo State University, Kemerovo,
e-mail: kaganes@mail.ru*

SABLIN KIRILL, S.,

*Candidate of Economic Sciences (PhD),
Senior Lecturer of the Department of «Economic Theory
and State Management»,
Kemerovo State University, Kemerovo,
e-mail: sablin_ks@mail.ru*

Despite the officially declared intention to form universal rules of the liberal type, development was based on the formation of a "hybrid" institutional environment in the "post-Soviet" transformation of the Russian economy. "Hybrid" institutional environment is characterized, firstly, with the prevalence of forms of interaction between authorities and business that are uncharacteristic for liberal market economy, and their "merging" with each other, secondly, with sustainable regional fragmentation. As a result regional institutional systems, based on different configurations of network linkages between business and authorities, appeared and embedded into unified «power vertical». «Resource type» regions occupy special position in the modern Russian economy. Their economies are based on the export-oriented industries as well as raw resources extracting and mining industries. We distinguish the following discrete structural alternatives of their development in a globalizing economy: "enclave dual economy" and integrated regional economy. The first option is institutionally reinforces the social and economic gap from developed countries. The second one provides diversification and development of regional and national economies. We use comparative characteristic of Kemerovo region and Krasnoyarsk region to carry out analysis of options of "resource type" regions development. We selected indicators and elaborated estimation algorithm to figure out the type of regional economic development.

Keywords: "resource type" region; regional institutional system; discrete structural alternatives; "enclave dual economy"; integrated regional economy.

JEL: O43.

Эволюцию институциональной среды российской экономики в постсоветский период необходимо рассматривать в контексте соотношения глобальных, национальных и региональных аспектов.

Значимость глобального аспекта обусловлена тем, что трансформация отечественной экономики в постсоветский период выступает как противоречивое единство процессов внутренней институциональной трансформации и интеграции в мировую глобальную рыночную экономику. При этом реализуемый федеральной

властью либеральный институциональный проект представлял собой вариант предложенной странами с развитой рыночной экономикой и выражающими их интересы международными экономическими организациями (МВФ, ВТО и др.) моделью рыночных преобразований, известной как Вашингтонский консенсус. Этот вариант реформ изначально исходил из подчинения задач рыночной трансформации развивающихся и постсоциалистических стран интересам развития глобальной экономики. Важнейшими принципами политики Вашингтонского консенсуса являлись, как известно, либерализация, приватизация и финансовая стабилизация на основе жесткой монетарной и фискальной политики (*Стиглиц, 2003. С. 75-91*). В институциональном плане эта программа выступает как политика ускоренного внедрения в развивающихся и постсоциалистических странах набора унифицированных правил игры, ориентированных на интересы субъектов глобальной экономики. На этот аспект проблемы обращает внимание М. Кастельс. Он отмечает, что давление со стороны правительств развитых стран, МВФ, Всемирного банка и ВТО использовалось в целях унификации всех национальных экономик вокруг одинаковых правил игры, подразумевающих свободное движение капиталов, товаров и услуг в соответствии с рыночной оценкой. Странам, нуждающимся в кредитах, инвестициях и в доступе на внешние рынки, навязывались жесткие условия «структурной адаптации», без учета специфики положения каждой из них (*Кастельс, 2001. С. 75*).

Отказ от учета институциональной специфики стран с развивающимися рынками базировался на рассмотрении её преимущественно как барьера на пути рыночной трансформации. Сложившиеся институциональные структуры рассматривались под углом зрения их «несовершенства», отклонения от модели «качественных» институтов, способных обеспечить эффективное развитие экономики. В рамках такого подхода унифицированные по требованиям глобальных рынков формальные правила игры рассматриваются в качестве доказавшего свою эффективность «образца», степень соответствия которому служит критерием «качества» институтов. При этом предполагается, что институты, эффективные с позиций субъектов глобальной экономики, будут эффективными с точки зрения решения задач модернизации экономик стран с развивающимися рынками. Решение модернизационных задач предполагалось обеспечить посредством экспортно-ориентированного развития и притока иностранного капитала. Как пишет Дж. Стиглиц, предполагалось, что приватизация, либерализация и макростабильность создают климат, привлекающий инвестиции, в том числе из-за рубежа (*Стиглиц, 2003. С. 91-92*). Инвестиции генерируют рост, и иностранный бизнес приносит с собой технический опыт и обеспечивает доступ к иностранным рынкам, создавая новые возможности занятости. Такая модель опиралась на реальные успехи экспортно-ориентированного развития стран Юго-Восточной Азии (Япония, Южная Корея, Сингапур, Тайвань, Китай, Малайзия и др.).

Однако опыт данных стран трактовался односторонне, без учета того, что успешное экспортно-ориентированное развитие было обеспечено институциональными структурами, существенно отличающимися от модели либеральных «качественных» институтов. В этой связи необходимо отметить, что государство в этих странах выступало и выступает не как государство «невидимой руки», а как государство «помогающей руки» (речь идет о моделях «невидимой руки», «помогающей руки» и «грабящей руки») (*Frye and Shleifer, 1997; Фрай и Журавская, 1998*). В странах Юго-Восточной Азии государство брало на себя функцию «помогающей руки», активно использующей власть для помощи бизнесу, в том числе экспортно-ориентированному. Структурный аспект связан с тем, что экспортный сектор в этих странах был представлен трудоемкими отраслями обрабатывающей промышленности. При этих структурных и институциональных условиях экспортно-ориентированное развитие приобрело форму *целостного развития национальной экономики*. В рамках такого варианта развития экспортный сектор формировал цепочки добавленной стоимости в национальной экономике и создавал спрос на

человеческий капитал. В результате экспортно-ориентированное развитие обеспечивало комплексную модернизацию национальной экономики.

Ориентация на экспортно-ориентированное развитие и привлечение иностранного капитала, реализуемых в рамках политики Вашингтонского консенсуса, предполагающего ускоренную либерализацию и ориентацию на формирование модели государства «невидимой руки», привело к появлению целого комплекса проблем. Важное значение при этом имел структурный элемент. Во многих странах с развивающимися рынками экспортный сектор был представлен преимущественно сырьевыми отраслями и капиталоемкими отраслями добывающей промышленности и обрабатывающей промышленности первого передела (*Ross, 1999. P. 298-300*). В результате развитие многих экономик стран с развивающимися рынками пошло по пути, который Дж. Стиглиц охарактеризовал как модель «анклавной двойственной экономики», специально подчеркнув ее отличия от успешного опыта развития стран Юго-Восточной Азии (*Стиглиц, 2003. С. 83-95*). Это означало появление в них анклавов богатства, представленных преимущественно экспортными производствами, контролируемым иностранным капиталом и привилегированными местными предпринимательскими структурами, практически не связанными с остальной экономикой. «Анклавная двойственная экономика» институционально и структурно закрепляет социально-экономическую отсталость (*Левин, 2010. С. 10*). Это обуславливается системой взаимосвязанных факторов.

Во-первых, развитые анклавные структуры практически не влияют положительно на модернизацию остальной экономики страны, за исключением того, что они могут выступать источником финансовых ресурсов для бюджетных программ, ориентированных на решение соответствующих социально-экономических задач. Это связано с тем, что основные товарные, технологические и финансовые взаимосвязи этих анклавов замыкаются на глобальные, а не национальные рынки. Механизмом торможения экономического развития часто выступает т.н. «голландская болезнь». Поток валюты приводит к её удорожанию, что стимулирует импорт и удорожает экспорт. Это ведет к подавлению большинства секторов национальной экономики, в том числе обрабатывающей промышленности, большинства подотраслей сельского хозяйства, национальной банковской системы и т.д. В этой связи, можно говорить о появлении комплекса проблем, которые рассматриваются в рамках концепции «ресурсного проклятия» (*Sachs and Warner, 1995; Karl, 1997; Shafer, 1994*).

Во-вторых, функционирование этих анклавов оказывается неразрывно связанным с созданием для иностранных инвесторов и крупного отечественного бизнеса привилегированных институциональных режимов, особенно когда речь идет о доступе к природным ресурсам. В результате вместо формирования заявленной системы универсальных «правил игры» возникает система, в рамках которой доступ к импортируемым формальным институтам носит не инклюзивный, а эксклюзивный характер. Можно говорить о возникновении институциональной системы, характеризующейся как «либерализм для своих». Это означает, что доступ к провозглашаемым свободам приобретает избирательный фрагментированный характер. Данный факт приводит к деформализации правил игры, предполагающей, что действие любых формальных норм модифицируется системой сложившихся персонализированных неформальных норм нерыночного типа. Поэтому ориентированные преимущественно на «либеральные» образцы законодательные акты либо не действуют, либо содержат в себе разного рода моменты, которые позволяют на практике правоприменения встраивать их в систему сетевых взаимосвязей, конфигурация которых различается в экономиках разных стран с развивающимися рынками.

Комплекс вышеописанных проблем в полной мере проявился в ходе постсоветской институциональной трансформации отечественной экономики. В частности возникло устойчивое рассогласование формальных и неформальных норм

при примате последних (Капелюшников, 2001. С. 138-156; Олейник, 2001. С. 4-25; Радаев, 2001. С. 60-79).

Во-первых, экспортно-сырьевая модель экономического роста характеризовалась многими особенностями, которые позволяют определить ее как разновидность «анклавной двойственной экономики».

Во-вторых, в отечественной экономике, несмотря на заявленную официально ориентацию на формирование универсальных правил игры либерального типа, развитие пошло по пути формирования «гибридной» институциональной среды, которая характеризуется преобладанием нехарактерных для либеральной рыночной экономики форм взаимодействия власти и бизнеса, их «сращиванием» между собой. При этом особенностью России, отличающей ее от многих стран с развивающимися рынками, является высокая степень региональной фрагментации институциональной среды.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что вышерассмотренные глобальный и национальный аспекты институциональной трансформации стран с развивающимися рынками в разной степени и в разной конфигурации проявляются на региональном уровне. Это означает, что в отечественной экономике сформировались различные типы региональных институциональных систем, развитие которых носит многовариантный характер. Данные региональные системы базируются на различных конфигурациях сетевых взаимосвязей власти и бизнеса, при этом властные структуры могут играть роль как государства «помогающей руки», так и государства «грабящей руки». В свою очередь бизнес может ориентироваться как на производительное предпринимательство, так и на непроизводительное («рентоориентированное») предпринимательство (Баумоль, 2013; Таллок, 2011).

В данном случае можно сделать вывод о том, что для раскрытия закономерностей развития институциональной среды в современной российской экономике, выявления соотношения в ней глобального и национального, необходимо перенести центр исследований на региональный уровень, дать развернутый сравнительный анализ региональных институциональных систем. Решение данной задачи предполагает выделение различных типов регионов.

Предметом нашего исследования являются дискретные структурные альтернативы развития регионов «ресурсного типа». Это регионы, основу экономики которых составляют экспортно-ориентированные отрасли добывающей промышленности и обрабатывающей промышленности первого передела (нефть, газ, уголь, черная и цветная металлургия и др.). Они занимают ключевое место в российской экономике, поскольку вышеуказанные отрасли являются локомотивом ее развития и определяют ее место в глобальной экономической системе. Особенностью нашего подхода является отказ от противопоставления «ресурсной экономики» и инновационного развития. С нашей точки зрения, никакой предопределенности «ресурсного проклятия» не существует, а развитие ресурсных отраслей выступает неотъемлемым компонентом новой индустриализации российской экономики, без которой невозможно устойчивое развитие инновационного сектора.

В этой связи можно сделать вывод о том, что общие перспективы развития современной российской экономики в значительной степени определяются тем, как будут развиваться регионы «ресурсного типа». Ответ на это вопрос может быть получен только на основе проведения сравнительного институционального анализа развития регионов «ресурсного типа». В качестве возможных вариантов развития регионов «ресурсного типа» мы выделяем следующие дискретные структурные альтернативы (Williamson, 1991): *анклавная двойственная экономика* и *целостная региональная экономика*.

Первый вариант характеризуется формированием изолированного от остальной экономики высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора, представленного предприятиями добывающих и промежуточных отраслей (нефтедобывающая и горнорудная отрасли, черная и цветная металлургия и др.).

При этом экспортный сектор не создает стимулов для развития и модернизации региональной экономики. Остальные сектора стагнируют. В результате возникает ситуация, которая часто описывается как «рост без развития».

В рамках второго варианта экспортный сектор выступает локомотивом развития других отраслей, стимулирует диверсификацию и модернизацию всей экономики. В экономике формируются цепочки создания добавленной стоимости, связанные с углубленной переработкой сырья и обслуживанием предприятий, производящих сырьевую и промежуточную продукцию. Это создает спрос на человеческий капитал, что формирует условия для развития образовательной системы и научной сферы. В результате, все это обеспечивает финансовым и человеческим капиталом развитие предпринимательства в отраслях обрабатывающей промышленности, в сельском хозяйстве и сфере услуг. В результате экономика выходит на траекторию «целостного развития».

В нашем исследовании развитие регионов «ресурсного типа» в современной российской экономике рассматривается на примере сравнительной характеристики Кемеровской области и Красноярского края. Одним из элементов новизны избранной методологии исследования является то, что сравнительный анализ выбора дискретных структурных альтернатив формализуется. Качественный анализ дополняется построением формальных моделей. Это требует выделения показателей, с помощью которых можно оценивать тип развития экономики «ресурсного типа», и разработку алгоритма их оценки. База данных исследования формируется как на основе анализа статистических данных и документов, так и проведения социологических исследований.

В рамках данной статьи представляются показатели, полученные на основе анализа статистических данных об экономиках Кемеровской области и Красноярского края. При этом используются показатели, полученные на основе анализа двух взаимосвязанных групп данных: по структуре ВРП, и по структуре инвестиций в выделенные сектора экономики.

Чтобы оценить направления развития экономики региона, мы выделили в структуре ВРП три группы отраслей:

во-первых, отрасли, активное развитие которых свойственно «анклавной двойственной экономике» (добыча полезных ископаемых и первичный передел в обрабатывающей промышленности);

во-вторых, отрасли, активное развитие которых характерно для «целостной региональной экономики» (отрасли глубокой переработки сырья, инфраструктурные отрасли);

в-третьих, отрасли, нейтральные с точки зрения модели развития.

Главная сложность заключается в том, что раздел «Обрабатывающие производства» включает как отрасли первичного передела, так и отрасли, связанные с удлинением производственных цепочек. Так как нам не доступна более глубокая разбивка этого раздела, мы классифицируем его как нейтральный с точки зрения модели развития. Безусловно, это снижает достоверность оценки, однако, на наш взгляд, развитие данных отраслей невозможно без развития инфраструктурных отраслей, поэтому, оценивая изменение их доли, мы косвенно оценим и динамику отраслей глубокой переработки (см. табл. 1).

Обработка результатов проводилась по следующему алгоритму. На первоначальном этапе исследования данные по отраслям каждого блока были объединены. Весь временной промежуток был разбит на периоды по 3 года: 2004-2006, 2007-2009, 2010-2012. Для сглаживания колебаний информация по каждому периоду была представлена в виде среднего значения показателя за данный период.

В табл. 2 представлены данные доли ВРП по каждому из блоков по двум регионам.

Анализ результатов, представленных в табл. 2, позволяет сделать вывод о том, что доля отраслей блока *B* в двух регионах остается практически неизменной за весь исследуемый период наблюдения. При этом в обоих регионах наблюдается рост

доли отраслей блока А.

Для оценки соотношения между блоками были рассчитаны коэффициенты, при вычислении которых в качестве базы сравнения выступал показатель, характеризующий долю блока А в ВРП региона.

Таблица 1

Разбивка отраслей с точки зрения выбора модели развития, по ВРП

А. Отрасли, активное развитие которых свойственно «анклавной двойственной экономике»
Добыча полезных ископаемых
В. Отрасли, активное развитие которых свойственно целостному региональному развитию
Транспорт и связь
Финансовая деятельность
Операции с недвижимым имуществом, аренды и предоставление услуг
Образование
Здравоохранение и предоставление социальных услуг
Гостиницы и рестораны
С. Отрасли, нейтральные с точки зрения модели развития
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство
Рыболовство, рыбоводство
Обрабатывающие производства
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды
Строительство
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг

Источник: составлено авторами.

Таблица 2

Доля ВРП по каждому из блоков по двум регионам

Период	Регион					
	Кемеровская область			Красноярский край		
	Блок			Блок		
	А	В	С	А	В	С
2004-2006	23,2	23,2	53,6	3,9	21,3	74,8
2007-2009	25,7	23	52,2	4,3	23,2	72,5
2010-2012	31,1	21,9	44,7	17,1	21,2	61,7

Источник: составлено авторами.

Анализ результатов, представленных в табл. 3, позволяет сделать следующие выводы. В Кемеровской области в 2004-2006 гг. доли отраслей А и В в ВРП были одинаковы, а к 2012 году происходит повышение доли отраслей блока А. Анализ изменений, происходящих в Красноярском крае, показал, что если в период 2004-2006 гг. доля ВРП отраслей блока В была существенно выше доли отраслей блока А, то к 2012 году это соотношение приближается к единице.

Аналогичный подход применялся для анализа инвестиций. В табл. 4 представлены данные доли инвестиций по каждому из блоков по двум регионам.

Таблица 3

Доля отраслей А и В в ВРП

Период	Кемеровская область	Красноярский край
	В/А	В/А
2004-2006	1	5,4
2007-2009	0,89	5,4
2010-2012	0,7	1,23

Источник: составлено авторами.

Таблица 4

Доля инвестиций по каждому из блоков по двум регионам

Период	Регион					
	Кемеровская область			Красноярский край		
	Блок			Блок		
	А	В	С	А	В	С
2004-2006	44,8	25,1	30,1	9	40,1	50,9
2007-2009	45,1	28,4	26,5	20,4	36,8	42,8
2010-2012	52,4	23,2	24,5	30,5	24,7	44,8
2013	41,1	28,9	30	27,8	25,6	46,5

Источник: составлено авторами.

Анализ результатов, представленных в табл. 4, позволяет сделать следующие выводы. В Кемеровской области соотношение долей инвестиций в трех блоках в исследуемом периоде остается практически неизменной. В то время как в Красноярском крае наблюдается существенное повышение доли инвестиций в отрасли блока А и снижение инвестиций в отрасли блока В.

Динамика показателей свидетельствует о том, что развитие обоих регионов идет по пути «анклавной двойственной экономики». В обоих регионах растет удельный вес отраслей группы А. При этом удельный вес отраслей группы В остается стабильным. Это свидетельствует о том, что развитие экспортно-сырьевого сектора не создает стимулов для развития остальных секторов региональной экономики. Причем, если в Кемеровской области структура ВРП изначально характеризовалась высоким удельным весом отраслей группы А и продолжала повышаться, то для Красноярского края характерно очень существенное повышение удельного веса отраслей, свидетельствующих о развитии по пути «анклавной двойственной экономики». Траектории развития двух регионов сближаются и сдвигаются в сторону относительно неблагоприятного варианта развития. Такое сближение объясняется динамикой инвестиций. Если в Кемеровской области структура инвестиций по секторам экономики остается достаточно стабильной, то в Красноярском крае наблюдается заметный рост удельного веса инвестиций в сектор А.

Выявленные проблемы ставят серьезные задачи в области институционального проектирования. Переход данных регионов на траекторию целостной региональной экономики невозможен без изменения конфигурации сложившихся региональных институциональных систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баумоль В. (2013). Микротехнология инновационного предпринимательства. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Капелюшников Р. (2001). «Где начало того конца?..» (к вопросу об окончании переходного периода в России) // *Вопросы экономики*, № 1, с. 138-156.

- Кастельс М.* (2001). Глобальный капитализм и новая экономика: значение для России // *Постиндустриальный мир и Россия*. М.: Эдиториал УРСС, с. 64-84.
- Левин С. Н.* (2010). Альтернативы институционального развития развивающихся и постсоциалистических стран: мифологемы «постиндустриализма» и «глобализма» и реальные тенденции // *Журнал институциональных исследований*, Т. 2, № 1, с. 6-16.
- Олейник А.* (2001). «Бизнес по понятиям»: об институциональной модели российского капитализма // *Вопросы экономики*, № 5, с. 4-25.
- Радаев В.В.* (2001). Деформализация правил и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности // *Вопросы экономики*, № 6, с. 60-79.
- Стиглиц Дж.* (2003). Глобализация: тревожные тенденции. М.: Национальный общественно-научный фонд.
- Фрай Т. и Журавская Е.* (1998). Рэкет и общественные блага: роль регулирования // *Научные труды РЕЦЭП*. (<http://www.recep.ru/pdfs/rl998w04.pdf> - Дата обращения: 05.10.2015).
- Таллок Г.* (2011). Общественные блага, перераспределение и поиск ренты. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Frye T. and Shleifer A.* (1997). The Invisible Hand and the Grabbing Hand // *American Economic Review*, vol. 87, no. 2, pp. 354-358.
- Karl T. L.* (1997). The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States. Berkeley: University of California Press.
- Ross M.* (1999). The Political Economy of the Resource Curse // *World Politics*, vol. 51, pp. 297-322.
- Sachs J. and Warner A.* (1995). Natural Resource Abundance and Economic Growth // *Development Discussion Paper*, no. 517a.
- Shafer D.* (1994). Winners and Losers: How Sectors Shape the Developmental Prospects of States. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
- Williamson O.* (1991). Comparative Economic Organization: the Analysis of Discrete Structural Alternatives // *Administrative Science Quarterly*, vol. 36, no. 2, pp. 269-296.

REFERENCES

- Baumol W. J.* (2013). The Microtheory of Innovative Entrepreneurship. Moscow, Gaidar Institute Publ. (In Russian).
- Frye T. and Shleifer A.* (1997). The Invisible Hand and the Grabbing Hand. *American Economic Review*, vol. 87, no. 2, pp. 354-358.
- Frye T. and Zhuravskaya E.* (1998). Racketeering and Public Goods: the Role of Regulation. *Scientific Papers RECEP*. (<http://www.recep.ru/pdfs/rl998w04.pdf> - Access date: 05.10.2015). (In Russian).
- Kapelyushnikov R.* (2001). «Where is the Beginning of That End?..» (Towards the question about the ending of transitional period in Russia). *Voprosy Ekonomiki*, no. 1, pp. 138-156. (In Russian).
- Karl T. L.* (1997). The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States. Berkeley, University of California Press.
- Kastels M.* (2001). Global Capitalism and New Economy: The Meaning for Russia. *Postindustrial World and Russia*. Moscow, Editorial URSS, pp. 64-84. (In Russian).
- Levin S. N.* (2010). Alternatives of Instructional Development of Developing and Post-socialistic Countries: mythologies of «Post-industrialism» and «Globalism» and Real Trends. *Journal of Institutional Studies*, vol. 2, no. 1, pp. 6-16. (In Russian).
- Oleynik A.* (2001). «Business po Ponyatiyam»: About Institutional Model of the Russian Capitalism. *Voprosy Ekonomiki*, no. 5, pp. 4-25. (In Russian).
- Radaev V. V.* (2001). Deformalization of the Rules and Tax Evasion in Russia's Economic Activity. *Voprosy Ekonomiki*, no. 6, pp. 60-79. (In Russian).
- Ross M.* (1999). The Political Economy of the Resource Curse. *World Politics*, vol.

51, pp. 297-322.

*Sachs J. and Warner A. (1995). Natural Resource Abundance and Economic Growth. *Development Discussion Paper*, no. 517a.*

Shafer D. (1994). Winners and Losers: How Sectors Shape the Developmental Prospects of States. Ithaca, N.Y., Cornell University Press.

Stiglitz J. (2003). Globalization and its Discontents. Moscow, National Public and Scientific Fund. (In Russian).

Tullock G. (2011). Public Goods, Redistribution and Rent Seeking. Moscow, Gaidar Institute Publ. (In Russian).

*Williamson O. (1991). Comparative Economic Organization: the Analysis of Discrete Structural Alternatives. *Administrative Science Quarterly*, vol. 36, no. 2, pp. 269-296.*